

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Сравнительно-историческое изучение языков началось еще с первой четверти прошлого века на материале языков индоевропейской семьи, но до сих пор не охватило всех известных языков земного шара.

Только в марксистско-ленинском языкознании была дана правильная оценка сравнительно-историческому методу как совокупности приемов исследования, дающей возможность обеспечить диалектико-материалистический подход языковым фактам и явлениям и ближе всего подводящей нас к разрешению основной задачи нашей науки: к установлению закономерностей развития языков.

По своему значению все прочие методы исследования, применяемые при анализе языкового материала, не равны сравнительно-историческому, а лишь дополняют этот основной метод или совокупность приемов исследования и готовят материал для дальнейшего сравнительно-исторического исследования. Это следующие методы:

- 1) непосредственное наблюдение и последовательное (систематическое) описание (ср. также опрос по заранее составленному плану; в диалектологии еще картографирование);
- 2) самонаблюдение и эксперимент (преимущественно в области родного языка);
- 3) статистический метод (или метод подсчетов)¹;
- 4) сопоставительный (или метод сопоставления языков без учета их истории, развития, изменений);
- 5) инструментальный в области фонетики (ср. метод непосредственного наблюдения и последовательного описания).

Следует учесть основные особенности сравнительно-исторического метода, а именно:

- 1) сравнение (языков, диалектов, разновидностей общенародного языка, различных ступеней развития одного и того же языка) с учетом изменений (развития, совершенствования, истории);
- 2) сравнение с учетом неравноценности сравниваемого материала, с обязательным отделением главного от второстепенного в сравниваемом материале;
- 3) сравнение фактов, рассматриваемых как составные части некоторой системы, с учетом их связей с другими фактами (в грамматике — парадигмы, в лексике — лексической сферы, определенного круга выражаемых словами понятий);
- 4) установление системы соответствий между сопоставляемыми языками (ср. пункт 1) в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике и фразеологии;

¹ Ср. В. Ф. Чистяков и Б. К. Крамаренко, Опыт приложения статистического метода к языкознанию, вып. 1, Краснодар, 1929.

5) установление относительной хронологии (в тех случаях, когда невозможно установление безотносительной, или абсолютной; или же наряду с безотносительной, для обоюдной проверки);

6) установление родства языков на основании соответствий (чем ближе к доисторической эпохе, тем больше общего: ретроспективная конвергенция — доказательство родства языков, их общего происхождения);

7) восстановление фактов на основании соответствий между родственными языками (а также и между диалектами, см. пункт 1) и относительной хронологии, устранение пробелов документальной истории языков.

Таким образом, сравнительно-исторический метод при надлежащем его применении может удовлетворить требованиям, предъявляемым марксистским диалектическим методом к изучению фактов и явлений природы и общества, а именно:

1) изучать факты и явления в их взаимосвязи, в их взаимообусловленности;

2) изучать факты и явления в движении, с учетом развития, изменений, видоизменений;

3) изучать факты и явления с учетом накопления постепенных количественных изменений, перехода от старого качества к новому качеству, с учетом прогрессивного характера изменений;

4) изучать факты и явления с учетом внутренних противоречий, с учетом борьбы противоположностей (возникающего и отмирающего, нового и старого).

Сравнительно-историческое языкознание и сравнительно-историческая грамматика

Сравнительно-историческое языкознание, которое следует отличать от сравнительно-исторических грамматик отдельных семейств и групп языков, обобщает достижения этих последних, причем его задачи шире задач сравнительно-исторических грамматик, хотя и в них не только устанавливаются соответствия между родственными языками, но и восстанавливаются основные линии развития (как родственных языков вообще, так и одного какого-либо языка, имеющего «родственников»).

Сравнительно-историческое языкознание должно интересоваться установленными на основе сравнительно-исторического метода законами и закономерностями развития языков. По существу его основы нигде еще систематически не изложены. Это дело ближайшего будущего¹.

«Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе в известных своих частях (глава VIII — о лексике и IX — о развитии индоевропейских диалектов) уже приближается к тому, что можно было бы назвать сравнительно-историческим языкознанием, но в пределах индоевропейской семьи языков.

Выражение «сравнительная грамматика» А. Мейе употребляет в смысле нашего «сравнительно-историческая грамматика», которое нам тоже следует расчленить и различать просто «сравнительную», или, лучше «сопоставительную грамматику» (как родственных, так и неродственных языков), и собственно «сравнительно-историческую грамматику». К сожалению, даже в научной литературе последних лет в одном и том же смысле употребляются оба выражения. Этого следует избегать.

¹ См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 48. Небольшая книжка А. Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании» (A. Meillet, La méthode comparative en linguistique historique, Oslo, 1925; рус. перевод — М., 1954) не содержит этих основ, потому что она не выходит за пределы индоевропейских языков.

Установление родства языков

Сравнительно-историческая грамматика какого-либо языкового семейства или какой-либо языковой группы имеет дело с языками, родство которых уже установлено предварительными исследованиями. Задачей сравнительно-исторического языкознания является установление общих приемов определения родства языков.

Если для доказательства родства или общего происхождения индоевропейских языков, характеризующихся прежде всего внешней и внутренней флексиями, достаточно было сопоставления такой важной части грамматического строя, как спряжения глаголов, то для языков совершенно иного грамматического строя требуются иные основания при установлении родства.

Так, лексические аналогии и установленные на их основании фонетические соответствия, а затем уже так называемые именные классы с характерными префиксами и личные местоимения дали возможность еще в первой половине прошлого века определить семейство банту в Африке к югу от экватора¹.

Наличие характерных только для этих языков согласных, так называемых clicks (7 в бушменском и 4 в готтентотском), словесное музыкальное ударение (3 тона), односложность корней в соединении с суффиксацией, три числа и три грамматических рода позволили установить в Южной Африке готтентото-бушменское семейство языков (сан—язык бушменов, кхои — язык готтентотов, сандаве и киндига)².

На основании наличия уже упомянутых именных классов, неразличения именных и глагольных основ при различии имен и глаголов только при помощи суффиксов, противопоставления глагольных видов (несовершенный, совершенный и зависимый), строго позиционного синтаксиса, использования музыкальных тонов и на основе лексической общности были предприняты попытки объединить различные языки от Судана до Гвинеи в семейство негроафриканских языков, в которое в виде отдельной группы включили и близкородственные языки банту³.

Установление закономерностей развития языков

Нет сомнения в том, что не только перед общим языкознанием, но и перед сравнительно-историческим языкознанием стоит задача установить или определить закономерности развития, изменения и видоизменения языков во всех их составных частях, решить которую можно только на основе сравнительно-исторического метода.

Опыт сравнительно-исторического изучения языков мира позволяет говорить о существовании определенных соотношений в развитии составных частей грамматического строя. Так, например, объединение морфологии какого-либо языка бывает связано с обогащением его синтаксиса (обычно — в отношении порядка слов, постоянных словосочетаний, появления

¹ Название семейства установилось позже (см. W. B l e e k, *Comparative grammar of southafrican languages*, London, 1869).

² Относительно так называемых clicks см. R. S t o p a, *Die Schnalze, ihre Natur, Entwicklung und Ursprung*, Kraków, 1935 и е г о ж е, *Die Schnalzlaute im Zusammenhang mit den sonstigen Lautarten der menschlichen Sprache*, «Archiv für vergleichende Phonetik», Bd. III, Heft II, Berlin, 1939.

³ Ср. шесть различных классификаций негроафриканских языков у Т. Милевского (T. M i l e w s k i, *Zarys językoznawstwa ogólnego*, cz. II, zesz. 1, Lublin — Kraków, 1948, стр. 108—109).

«грамматических слов»: ср., например, германскую группу языков). Напротив, богатство морфологии (ср., например, санскрит) связано с относительной свободой в области размораживания слов и с отсутствием значительного запаса «грамматических слов».

Развитое внешнее (преимущественно аффиксное) словообразование связано с возможностью сокращения так называемого внутреннего словообразования (т. е. изменения смыслового содержания слов), а следовательно, и нежелательных для языка омонимов.

В области фонетики обилие и разнообразие типов согласных обычно связано с ограниченным кругом гласных (ср., например, картвельскую группу иберийско-кавказских языков, среди индоевропейских языков — армянский язык). Наблюдается и обратное отношение: при разнообразии типов гласных (монофтонги и дифтонги, долгие и краткие гласные, наличие слогового и словесного музыкального ударения) система согласных может быть слабо развитой как в количественном отношении, так и в отношении возможностей их сочетания (ср., например, древнегреческие диалекты, среди неиндоевропейских языков — тибето-китайские языки).

Закон неравномерности темпов развития составных частей языка и, следовательно, изменений путем постепенного накопления элементов нового качества, конечно, может быть установлен и на примере одного языка; но лишь при сравнении с аналогичными фактами развития многих языков, при известном обобщении мы приходим к установлению общих закономерностей развития языков.

До сих пор нам приходилось иметь дело преимущественно с законами, установленными в области фонетики индоевропейских языков. Таковы законы: 1) Я. Гримма о соответствии согласных звуков германских языков согласным прочих индоевропейских языков (первоначально были сопоставлены согласные готского и греческого языков); 2) закон перемещения придыхания Раумера—Грассмана (первый открыл его на материале древнеиндийского, а второй — древнегреческого языка); 3) закон палатализации заднеязычных согласных (Асколи и др.), подтверждающий гипотезу о первоначальном различии качеств простых кратких гласных (*a, e, o*); 4) закон Вернера, объясняющий исключения из закона Гримма; 5) закон соответствия древнеиндийского краткого *i* краткому *a* прочих древних индоевропейских языков (открытие *shwa primum indoeuropaeum*); 6) закон Фортунатова-де Соссюра, определяющий изменение типа ударения в славянских языках; 7) закон Шахматова, также связанный с первоначальным музыкальным словесным ударением славянских языков¹.

Таким образом, большинство так называемых законов до сих пор относилось к области фонетики (в частности, индоевропейских языков); задача заключается теперь в установлении (если так можно выразиться) более широких законов, затрагивающих не только фонетику, но и морфологию, синтаксис, лексикологию.

Определение языка-основы и понимание родства языков

Можем ли мы согласиться с таким определением «индоевропейского языка»: «...мы будем рассматривать... соответствия между различными индоевропейскими языками, отражающие древние общие формы; совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропей-

¹ См. Л. А. Булаховский, Акцентологический закон А. А. Шахматова, сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947.

ским языком»¹? Не ведет ли это определение к признанию непознаваемости индоевропейского языка-основы, к признанию невозможности восстано-вить его хотя бы до некоторой степени?

Признание всех языков смешанными, нежелание отличать в языке существенное от несущественного, признание всех языковых элементов равноценными фактически вело некоторых исследователей к отрицанию родства языков, определенно представленному в таком высказывании, как следующее: «...язык любой романской территории не восходит непосредственно к древнему языку Рима, но возник на основе общего, обыденного языка, которым пользовались в данной области после ее завоевания колонисты и воины, говорившие до этого каждый на своем диалекте»².

Мы не можем не видеть антиисторической основы и таких высказываний, как: «Всякий язык образован из различных источников и даст множество ответвлений»³.

Этот же исследователь считал так называемую теорию родословного древа языков совершенно устаревшей⁴. Подобный подход лишает язык его качественной характеристики, он должен быть отвергнут нами.

Действительно, в каждом языке могут быть элементы «из различных источников», но эти элементы подчиняются грамматическому строю языка, который всегда является более или менее своеобразным. Кроме того, эти заимствованные, а не унаследованные элементы не составляют основу языка, сущность его специфики.

Можно утверждать, что существование фонетических, морфологических, синтаксических и лексических (или также семантических) изоглосс на известных территориях вовсе не является опровержением исконого родства или отсутствия родства между распространенными на этих территориях языками. «Теория волн» И. Шмидта только дополняет, но не опровергает «родословное древо» индоевропейских языков А. Шлейхера.

Теория А. Мейе о разделении индоевропейского языка-основы на диалекты только противопоставляет два древнейших состояния этого языка-основы: уже дифференцированный и еще не дифференцированный в отношении диалектов язык. Само собой разумеется, что под диалектами понимают, во-первых, близкородственные языки (например, древнегреческие диалекты) и, во-вторых, территориальные языковые разновидности, сосуществующие с общенародным (письменным и устным) языком (например, диалекты современного нам русского языка).

Необходимо дать ответ на следующий вопрос: могут ли существовать родственные семейства языков подобно тому, как в пределах семейств существуют родственные группы языков? Речь идет о возможности существования более отдаленного родства, чем то, которое объединяет известные нам индоевропейские языки.

Среди зарубежных языковедов были и есть такие, которые дают утвердительный ответ на этот вопрос: Х. Педерсен (автор «ностратической теории»), А. Тромбетти, Г. Мёллер, П. Мериджи, А. Кюни, К. Отран, Я. Хандель, Ст. Младенов и другие. Однако их попытки сближения индоевропейских языков с другими семействами (чаще всего с семитическими языками) не убеждают именно потому, что эти ученые не разли-

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 81.

² Г. Шухардт, О классификации романских диалектов («Избр. статьи по языкознанию [перевод с немецкого]», М., 1950, стр. 132).

³ Его же, Происхождение языка (там же, стр. 77).

⁴ См. его же, К вопросу о языковом смешении (там же, стр. 174).

чают в языках наиболее существенного и наименее важного, все составные части языка рассматривают в одной плоскости.

А. Мейе вполне основательно определяет родство языков: «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»¹. Этот язык, «бывший в употреблении раньше», древнейшее состояние родственных языков, язык-основа, язык-источник, язык-предок, праязык, существование которого логически необходимо, входит в само понятие родства языков. Речь идет именно о языке, письменные памятники которого отсутствуют, но не о «системе соответствий». Эта «система соответствий» в области грамматического строя и словарного состава родственных языков является лучшим доказательством дивергентного развития родственных языков и, следовательно, существования их языко-основы.

Мы не можем без изумления читать в советском учебнике, вышедшем в свет после 1950 г., следующие строки: «Цель сравнения — не язык-основа и восстановление его фактов. Понятие языка-основы прежде всего имеет значение регулятивного принципа (разрядка моя. — А. Б.), объясняющего, каким образом в языках, столь разобщенных, как латинский, русский и индийский (= древнеиндийский, санскрит. — А. Б.), обнаруживаются общие явления в основном словарном фонде и грамматическом строе»².

Что такое «регулятивный принцип»? Едва ли такое неопределенное понятие может существовать в советском языкознании.

Установление соответствий и восстановление фактов

Сравнительно-историческое изучение родственных языков приводит к установлению соответствий между ними, а также к установлению соответствий между отдельными ступенями развития одного и того же языка. Это задачи сравнительно-исторической грамматики, которые с успехом решались до сих пор главным образом в области фонетики; сравнительно-историческое языкознание должно в данном случае обобщить опыт изучения отдельных семейств языков. Это задача сама по себе чрезвычайно трудная и, конечно, многообещающая.

1. Соответствия

Из всех возможных соответствий между родственными языками сравнительно-историческому языкознанию нужны соответствия с исторической перспективой. Из них, действительно, можно сделать наиболее существенные выводы для восстановления языковых фактов. Рассмотрим соответствия разных типов.

Прежде всего сопоставления, основанные на фонетических соответствиях (с учетом смысловой стороны слов и форм слов), следует отличать от сопоставлений, основанных только на звуковом (или графическом!) сходстве (без учета исторических фонетических соответствий, без всякой исторической перспективы). Вот, например, сопоставления, основанные только на внешнем сходстве, из которых нельзя сделать никаких существенных для истории данных языков выводов.

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 50.

² А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 197 (2-е изд. — М., 1953).

Таблица 1

Русский	Болгарский	Русский	Болгарский
1) <i>бороз</i>	<i>бороз</i> «сосновый»	7) <i>мездра</i>	<i>мездра</i> «земельный надел»
2) <i>булка</i>	<i>булка</i> «невеста, невестка»	8) <i>печурка</i>	<i>печурка</i> «шампильон»
3) <i>варка</i>	<i>варка</i> «лодка»	9) <i>сойка</i>	<i>сойка</i> «складной ножик»
4) <i>горе</i>	<i>горе</i> «вверху, наверху»	10) <i>табак</i>	<i>табак</i> «кожевник»
5) <i>кучка</i>	<i>кучка</i> «собачка»	11) <i>треска</i>	<i>треска</i> «щепка»
6) <i>майка</i>	<i>майка</i> «мать»		

Поставим вопрос и о том, может ли исследователь сделать какие-либо положительные выводы из рассмотрения фонетически и семантически соответствующих друг другу фактов родственных языков, но взятых не во всей их совокупности, а в какой-нибудь одной части? Таким сопоставлением приходится, например, удовлетворяться исследователю, если перед ним окажутся отдельные факты (а не парадигмы и не сложные контексты) какого-либо во всех других отношениях не известного ему языка. Отсюда понятно, что при попытках классифицировать в генеалогическом отношении недостаточно известные языки возможны досадные промахи, в которых менее всего виноват сравнительно-исторический метод. Сопоставим следующие слова разных языков:

Таблица 2

1) франц. <i>école</i>	нем. <i>Schule</i>
2) франц. <i>encre</i>	англ. <i>ink</i>
3) франц. <i>papier</i>	исп. <i>papel</i>
4) франц. <i>église</i>	португ. <i>igreja</i>
5) франц. <i>évêque</i>	нем. <i>Bischof</i>
6) португ. <i>diabo</i>	нем. <i>Teufel</i>
7) ирл. <i>casc</i>	франц. <i>pâque</i>
8) нем. <i>Pferd</i>	франц. <i>palefroi</i>
9) алб. <i>shtëpi</i>	новогреч. <i>σπίτι</i>
10) португ. <i>cidade</i>	катал. <i>ciutat</i>

Можно ли на основании простого сопоставления этих слов восстановить прототип каждого? Можно ли расположить их в порядке относительной хронологии (выяснить, какое является более древним, а какое более новым)? В большинстве случаев это невозможно без обращения к документальной истории каждого языка.

Относительно № 1 мы можем сказать, что прототип должен был содержать звук *-l-* и иметь не меньше двух слогов; № 2 содержал сочетание согласных *-nk-*; № 3 имел начало *pap-*; № 4 содержал сочетание согласных после начального гласного *-gl-* или *-gr-*; № 5 содержал согласный *-b-* или *-v-*; № 6 содержал согласные *-d-* или *-t-*, *-b-* или *-f-*; № 7 начинался каким-то смычным согласным, имел гласный *-a-* и сочетание согласных, в котором был *-k-*; № 8 начинался согласным типа *-p-* и содержал согласный *-r-*; № 9 содержал начальный *-s-* или *-j-* и согласные *-p-* и *-t-* в неизвестной последовательности; № 10 начинался согласным типа *-s-* и содержал разделенные гласным *-a-* два зубных *-d-* или *-t-*... Вот пределы возможного приближения к истине. Как видно, отсюда еще далеко до следующих слов: греч. *σχολή*, *ἐγκλιστρον*, *πίπυρος*, *ἐκκλησία*, *ἐπίσκοπος*, *διάβολος*, *πάσχα*, галло-лат. *paraveredus*, лат. *hospitium*, лат. (вин. падеж) *civitatem*, более близких к прототицу рассмотренных выше слов.

Только система установленных в исторической перспективе фонетических соответствий позволяет нам говорить, что в следующих примерах мы имеем дело с унаследованными от древнейшего состояния вариантами слов, несмотря на их заметные фонетические различия:

Таблица 3

1) лат. <i>quinque</i>	греч. πέντε («пять») *penkwe
2) лат. <i>pes</i>	голл. voet («пога») *p ^e _o d-
3) лат. <i>auris</i>	русск. ухо (ср. польск. ucho) *ows-
4) лит. <i>akì</i>	греч. ὀσσε («два глаза») *okw-
5) англ. <i>sweet</i>	греч. ἡδύς («сладкий») *swa: d-
6) латыш. <i>zoss</i>	греч. χήν («гусь») *ghans-
7) гот. <i>swaihrô</i>	греч. ἑκυρά («свекровь») *sw ^e _o ku-r-
8) польск. <i>córka</i>	греч. θυγάτηρ («дочь») *dhughæ-te: r-
9) русск. <i>сон</i>	греч. ὕπνος («сон») *sw ^e _o p-n-
10) осет. <i>фыд</i>	арм. հայր («отец») *pæ-te: r-

Следовательно, для сравнительно-исторического языкознания важны не отдельные соответствия между языками, а установленная с учетом фонетических изменений система соответствий.

2. Восстановления

Вполне естественно, что не все индоевропейские языки представляют одинаково ценный материал для восстановления основных вех развития грамматического строя. В одних оказывается больше следов старины, в других меньше. Возьмем для примера одну весьма важную в грамматическом строе этих языков парадигму — настоящее время изъявительного наклонения глагола «быть» (ср. санскр. *bhaviim*, ст.-слав. *быти*, лит. *būti*, латыш. *būt*, др.-греч. φέσθαι, лат. *fuisse* и пр.).

Наиболее древние формы сохранились в следующих языках:

Таблица 4

Хет. клин.	Санскр.	Авест.	Ст.-лит.
Ед. число			
1-е лицо <i>esmi</i>	<i>asmi</i>	<i>ahmi</i>	<i>esmi</i>
2-е лицо —	<i>asi</i>	<i>ahi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо <i>eszi</i>	<i>asti</i>	<i>asti</i>	<i>esti(i)</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>esweni</i>	<i>smaḥ</i>	<i>mahi</i>	<i>esmè</i>
2-е лицо <i>esteni</i>	<i>stha</i>	<i>sta</i>	<i>estè</i>
3-е лицо <i>asanzī</i>	<i>santi</i>	<i>henti</i>	<i>(est)</i>
Ст.-слав.	Др.-греч.	Лат.	Гот.
Ед. число			
1-е лицо <i>ѣсмь</i>	<i>εἰμι</i>	<i>sum</i>	<i>im</i>
2-е лицо <i>ѣси</i>	<i>εἶ</i>	<i>es</i>	<i>is</i>
3-е лицо <i>ѣсть</i>	<i>εἰσι(ν)</i>	<i>est</i>	<i>ist</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>ѣсмь</i>	<i>εἰμέν</i>	<i>sumus</i>	<i>(sijum)</i>
2-е лицо <i>ѣсте</i>	<i>εἰστέ</i>	<i>estis</i>	<i>(sijud)</i>
3-е лицо <i>ѣхть</i>	<i>εἰσι(ν)</i>	<i>sunt</i>	<i>sind</i>

Они дают материал для восстановления древнейших предполагаемых форм:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо * <i>esmi</i>	*(<i>e</i>) <i>sm</i> $\frac{e}{o}$ -(<i>s</i>)
2-е лицо * <i>essi</i>	*(<i>e</i>) <i>ste</i> (<i>s</i>)
3-е лицо * <i>esti</i>	*(<i>e</i>) <i>snti</i>

Здесь, однако, остаются нерешенными некоторые вопросы (например, является ли первичным *w* вместо *m* в форме *ewse*(*ni*): *eswe* < *esme*- или *eswe* > *esme*-, является ли первичным *th* вместо *t* в форме *stha*; были ли начальные неударные *e* в двойственном и во множественном числе только редуцированы, или вовсе отсутствовали; были ли обязательным или факультативным конечный *s*; насколько обязательными при различных формах были энклитические частицы вроде хет. клин. -*ni*; ср. аттич. ἐστίν с дорич. ἐστές).

Для каждой группы упомянутых здесь индоевропейских языков характерны некоторые новшества. Так, например, для анатолийской группы (хет. клин.): -*zi* вместо первичного -*ti*, отсутствие двойственного числа; для индо-иранской группы: *a*- вместо первичного *e*- (а для иранской подгруппы еще переход в известных положениях *s* > *h*); для балтийской группы: утрата формы 3-го лица в двойственном и во множественном числе за счет распространения формы 3-го лица единственного числа, а затем полное исчезновение первичной формы 3-го лица (ср. новолит. *yrà*, латыш. *ir*); для славянской группы: иотация начального *e*, личные окончания (в старославянском) -*tŭ* 3-го лица единственного и множественного числа, переход *i* > *ь*, *ŭ* > *ѣ*; для греческой группы: исчезновение *s* в начале слов и между гласными и его регрессивная ассимиляция (ср. лесб. ἐμῖ, дорич. ἦμῖ, аттич. εἰμῖ наряду с гот. *im*, нрл. *amm*, арм. *jem*, алб. *jam*), переход первичного -*nt* > -*ns* > -*s* (с количественным и качественным изменением предшествующего гласного); ср. **sewti* > *ēwti* > *ēwti* > аттич. εἰσί; для латинского языка: отсутствие конечного *i*, новообразования в первом лице *sum* и *sumus* (ср. *sunt*), отсутствие двойственного числа; для германской группы: *i* вместо первичного *e*, отсутствие конечного *i*, озвончение (в готском) *t* после *n* (**sint* > *sind*), замена в 1-м и 2-м лице множественного числа форм изъявительного формами желательного наклонения (ср. в старославянском *кѣтъ* вместо *кѣтъ* и *сѣтъ* вместо *сѣтъ* наряду с формами повелительного наклонения; санскр. 3-е лицо *astu* — *santu*).

Если бы упомянутые здесь формы не сохранились, даже такое поверхностное проникновение в древнейшее документально не засвидетельствованное состояние индоевропейских языков, которое основано на сравнении форм и установлении их предполагаемого первичного вида, было бы невозможным.

Анатолийская группа индоевропейских языков так же, как «тохарская» (и, возможно, некоторые другие), исчезла. В индийской группе (или индийской подгруппе индо-иранской группы) произошли весьма существенные изменения во всем грамматическом строе. В результате этих изменений вместо форм с корнем **es*- выдвинулись формы синонимичного глагола *bhavāti* «бываю». Так, например, в западном хинди, урду и хиндустани образовались формы (см. табл. 5).

В иранских языках, несмотря на все значительные изменения, следы древних форм сохранились. Так, например, в новоперсидском имеются самостоятельные и энклитические формы глагола «быть» [*bu:dæn*] (см. табл. 6).

Таблица 5

	Санскрит	Хиндустани
	Ед. число	
1-е лицо	<i>bhavāmi</i>	[(maĩ) hu:] ¹
2-е лицо	<i>bhavasi</i>	[(tu:) hai]
3-е лицо	<i>bhavati</i>	[(wah) hai]
	Мн. число	
1-е лицо	<i>bhavāmaḥ</i>	[(ham) hai]
2-е лицо	<i>bhavatha</i>	[(tum) ho:]
3-е лицо	<i>bhavanti</i>	[(we:) bai]

¹ В квадратных скобках примеры даются в фонетической транскрипции (МФА).

Энклитические формы происходят от древних форм настоящего времени, а самостоятельные формы являются новообразованиями, в которых основа — это форма 3-го лица единственного числа, а личные окончания (кроме 3-го лица единственного числа) — энклитические формы. Следовательно, в этих парадигмах лучше всего сохранилось именно 3-е лицо единственного числа (др.-перс. клин. *āstiy*, авест. *asti*).

Сравнительно со старолитовским новолитовский и латышский видоизменили рассматриваемую парадигму, причем не сохранились именно формы 3-го лица всех трех чисел (см. табл. 7).

Таблица 6

	Самостоятельные	Энклитические
	Ед. число	
1-е лицо	['hæstæm]	[-æm]
2-е лицо	['hæsti:]	[-i:]
3-е лицо	['hæst]	[-æst]
	Мн. число	
1-е лицо	['hæsti: m]	[-i: m]
2-е лицо	['hæsti: d]	[-j: d]
3-е лицо	['hæstænd]	[-ænd]

Таблица 7

	Новолитовский	Латышский
	Ед. число	
1-е лицо	<i>esù</i>	<i>esmu</i>
2-е лицо	<i>esi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>
	Мн. число	
1-е лицо	<i>ēsame</i>	<i>esam</i>
2-е лицо	<i>ēsate</i>	<i>esat</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>

Личное окончание *-и* проникло в эту парадигму (атматических глаголов) из другой (тематических глаголов), ставшей преобладающей, например, лит. *vedù* «веду», *stóviu* «стою», *žinaĩ* «знаю», а нынешнее 3-е лицо всех трех чисел — неглагольного происхождения (ср. тоже в греч.: наречие *ἐν*).

В славянской группе происхождение новых форм также (ср. иранскую подгруппу) связано с разделением форм на два вида: самостоятельные и энклитические. В одних славянских языках имеются различные самостоятельные и энклитические формы (например, сербский), в других — прежние энклитические стали самостоятельными (чешский, болгарский), в третьих — прежняя парадигма подверглась перестройке на новой основе (польский), наконец, в четвертых — все прежние формы вышли из употребления, кроме 3-го лица единственного числа (русский, украинский, белорусский).

Таблица 8

	Чешский	Польский	Сербский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>jsem</i>	<i>jestem</i>	<i>јесам, сам</i>
2-е лицо	<i>jsi</i>	<i>jestes</i>	<i>јеси, си</i>
3-е лицо	<i>je, jest</i>	<i>jest</i>	<i>је</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>jsme</i>	<i>jestesmy</i>	<i>јесмо, смо</i>
2-е лицо	<i>jste</i>	<i>jestescie</i>	<i>јесте, сте</i>
3-е лицо	<i>jsou</i>	<i>są</i>	<i>јесу, су</i>

	Болгарский	Русский
	Ед. число	
1-е лицо	<i>съм</i>	<i>есть</i> (безразлично
2-е лицо	<i>си</i>	<i>или для всех</i>
3-е лицо	<i>е</i>	<i>лиц и чисел¹⁾</i>
	Мн. число	
1-е лицо	<i>сме</i>	
2-е лицо	<i>сте</i>	
3-е лицо	<i>са</i>	

¹ Ср. *у меня есть, у тебя есть, у него есть* и т. д.; окончательное исчезновение всех прежних форм настоящего времени и распространение типа предложений с именным сказуемым; употребление новых вспомогательных глаголов: *бываю, нахожусь, являюсь, представляю* и т. п.

Однако одной формы *есть* достаточно для установления ее «индо-европейского» характера (корень **es-* и окончание **-ti*).

Нельзя пройти мимо параллелизма, который обнаруживается в развитии самостоятельных форм этой парадигмы в современных польском и персидском языках (см. табл. 5 и 8). Как видно отсюда, персидский язык зашел в перестройке прежней парадигмы несколько дальше, чем польский. В этом последнем еще сохранилась древняя форма 3-го лица множественного числа (ст.-слав *сѣтъ*).

Разительные перемены произошли с этой парадигмой в греческом языке. Современный нам новогреческий литературный язык (*ἡ δημοτικὴ γλῶσσα*) вовсе утратил древнегреческие формы. Здесь изменение парадигмы началось с 3-го лица единственного числа: *ἐν* вместо *ἔστι(ν)*. После исчезновения в разговорном языке прежних атематических глаголов (спряжение с окончанием *-μι*) 1-е и 2-е лицо единственного и множественного чисел перестроились по образцу медиопассивного спряжения. 3-е лицо единственного и множественного числа [*'ine*] оказалось без личного окончания, а новой основой всех прочих лиц стала подударная фонема [*i*]:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[ʼime]	[ʼimaste]
2-е лицо	[ʼise]	[ʼiste]
3-е лицо	[ʼine]	[ʼine] ¹

Напротив, в цаконском диалекте (вернее, языке) сохранились некоторые древние личные окончания, но вся парадигма оказалась перестроенной:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[ʼeni]	[ʼeme]
2-е лицо	[ʼesi]	[ʼethe]
3-е лицо	[ʼeni]	[ʼini]

Эти новые парадигмы так же далеки от древней восстанавливаемой парадигмы, как, например, староирландская (ирская) парадигма:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>amm</i> ¹	<i>ammi</i>
2-е лицо	<i>at</i>	<i>adib</i>
3-е лицо	<i>is, (as)</i>	<i>it (at)</i>

или современная нам армянская:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jem</i>	<i>jenkh</i>
2-е лицо	<i>jes</i>	<i>jekh</i>
3-е лицо	<i>e</i>	<i>jen</i>

Парадигму современного албанского языка (тоскский диалект) можно считать более архаичной, так как в ней сохраняется, несмотря на фонетические видоизменения, древняя форма 3-го лица единственного числа:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jam</i>	<i>jemi</i>
2-е лицо	<i>je</i>	<i>jeni</i>
3-е лицо	<i>është</i>	<i>janë</i>

Рассмотренная нами парадигма принадлежит к числу наиболее замечательных остатков древнейшего состояния глагола в индоевропейских языках. Она дает нам возможность не только найти древний корень (**es*), но и древние личные окончания глаголов (**mi*, *-si*, *-ti*, *-m^e/_o*, *-te*, *-nti*).

Подобное же соединение корней одного и того же происхождения с древними личными окончаниями находим в индоевропейских языках и в других случаях, и оно является неоспоримым доказательством их родства.

Так, для установления древнего корня **bher-* может служить сравнение следующих парадигм:

¹ См. Hubert Pernot, L'indicatif présent du verbe être en Néo-Grec, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. IX. 1896, стр. 1—23.

Таблица 9

	Санскр.	Авест.	Ст.-слав.	Др.-греч.
Ед. число				
1-е лицо	<i>bharāmi</i>	<i>barā(mi)</i>	<i>берѣ</i>	<i>φέρω</i>
2-е лицо	<i>bharasi</i>	<i>barahi</i>	<i>берешѣ</i>	<i>φέρεις</i>
3-е лицо	<i>bharati</i>	<i>baraiti</i>	<i>береть</i>	<i>φέρει</i>
Мн. число				
1-е лицо	<i>bharāmaḥ</i>	<i>baramahi</i>	<i>беремъ</i>	<i>φέρομεν</i>
2-е лицо	<i>bharatha</i>	<i>barata</i>	<i>берете</i>	<i>φέρετε</i>
3-е лицо	<i>bharanti</i>	<i>barenti</i>	<i>берѣтъ</i>	<i>φέρουσι(ν)</i>
	Лат.	Гот.	Ст.-нрл.	Др.-арм.
Ед. число				
1-е лицо	<i>fero</i> ¹	<i>baira</i>	<i>berimm</i>	<i>berem</i>
2-е лицо	<i>fers</i>	<i>bairis</i>	<i>beri</i>	<i>beres</i>
3-е лицо	<i>fert</i>	<i>bairið</i>	<i>berid</i>	<i>berē</i>
Мн. число				
1-е лицо	<i>ferimus</i>	<i>bairam</i>	<i>berimme</i>	<i>beremkh</i>
2-е лицо	<i>fertis</i>	<i>bairið</i>	<i>berthe</i>	<i>berekh</i>
3-е лицо	<i>ferunt</i>	<i>bairand</i>	<i>berit</i>	<i>beren</i>

¹ В этом латинском глаголе наблюдается появление вторичных атематических форм во 2-м лице единственного и множественного числа, в 3-м лице единственного числа.

Таким образом, необходимо учитывать, что производимые в сравнительно-исторических исследованиях восстановления различного рода далеко не равноценны. В связи с этим ясно, что задачей сравнительно-исторического языкознания является определение тех условий, при которых восстановление будет наиболее ценным.

Грамматическая аналогия и заимствования

Подчиняются ли каким-либо законам те изменения элементов грамматического строя и лексики языков, которые обусловлены взаимодействием составных частей языка (грамматическая аналогия и лексическая контаминация) и взаимодействием диалектов и различных языков (лексические заимствования, лексические и фразеологические кальки)?

Хотя мы не можем признать такого рода изменения случайными и исследователи до сих пор систематически занимались их учетом, коллекционирование фактов пока что не дало возможности сделать другие выводы, кроме выводов о необходимости при изучении изменений учитывать названные процессы.

В отношении грамматической аналогии приходится удовлетворяться признанием того, что сама аналогия — это проявление одного из за-

конов развития языков, скажем, закона взаимодействия составных частей языка, в частности взаимодействия смежных парадигм. Здесь бывают вполне удовлетворительные объяснения, однако не идущие дальше простых констатаций.

Так, например, при сравнении форм 2-го лица единственного числа ст.-слав. *даси*, укр. *даси* и русск. *дашь* мы можем указать, что появление в русском языке формы *дашь* связано с воздействием форм типа *знаешь*, *хочешь*, но почему воздействие это обнаруживается только во 2-м лице единственного числа, а в 1-м лице при *знаю* остается форма *дам* — мы объяснить не можем, как не можем объяснить, почему архаический тип образования форм данного глагола сохранился в украинском языке лучше, чем в русском.

Следующая таблица показывает, наоборот, наличие больших новшеств в украинском языке, далее продвинувшемся по пути аналогии.

Таблица 10

	Старославянский	Русский	Украинский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>хоштѣ</i>	<i>хочу</i>	<i>хочу</i>
2-е лицо	<i>хоштеши</i>	<i>хóчешь</i>	<i>хóчеш</i>
3-е лицо	<i>хоштеть</i>	<i>хóчет</i>	<i>хóче</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>хоштемъ</i>	<i>хотѣм</i>	<i>хóчемо</i>
2-е лицо	<i>хоштете</i>	<i>хотѣте</i>	<i>хóчете</i>
3-е лицо	<i>хотѣтъ</i>	<i>хотѣт</i>	<i>хóчутъ</i>

Хотя наряду с этим в области склонения украинский язык может показаться относительно более архаичным:

Таблица 11

	Старославянский	Украинский	Русский
Им.	<i>рабъ сынъ</i>	<i>раб сын</i>	<i>раб сын</i>
Род.	<i>раба сыноу</i>	<i>раба сина</i>	<i>раба сына</i>
Дат.	<i>рабоу сынови</i>	<i>рабові синові</i>	<i>рабу сыну</i>

Но в следующем примере относительно более архаичным оказывается русское склонение:

Таблица 12

	Старославянский	Русский	Украинский
Им.	<i>любы</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>
Род.	<i>любвѣ</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>
Дат.	<i>любви</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>
Вин.	<i>любвѣ</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>

Почему наряду со ст.-слав. *тебѣ* (дат. падеж) — *тобоюѣ* (твор. падеж) и русск. *тебе* — *тобой* в украинском имеем *тобі* — *тобою*? Почему на основе старославянских наречий *како* — *яко* в русском возникло *как*, а в украинском *як*?

Гораздо легче ответить, учитывая определенные исторические предпосылки, на некоторые подобные же вопросы относительно заимствований. Если бы нас спросили, например, почему в русском языке наряду с *один* и пр. существует *единица* и пр., а в украинском последовательно *один* — *одиниця*, почему в русском наряду с существительным *солод* находим прилагательное *сладкий*, а в украинском *солод* — *солодкий*, в русском наряду с *бытие* — *бытьё*, а в украинском только *буття* и т. д., то ответ был бы простой: в русском литературном языке были более благоприятные условия для сохранения так называемых церковнославянизмов.

Нет сомнения в том, что изучение грамматической аналогии и заимствований, возникающих при взаимодействии языков, составляет одну из существенных задач сравнительно-исторического языкознания, а не только исторической грамматики какого-либо одного языка.

Относительная хронология

Вопрос о так называемых недостатках сравнительно-исторического метода в целом не рассматривается в данной статье, но в связи с рассмотрением задач сравнительно-исторического изучения языков нельзя не сказать об одном из этих недостатков, а именно, о пока что неизбежном субъективизме при расположении фактов в порядке относительной хронологии. При сравнении, например, парадигм склонения в древнеиндийском языке (*manuṣyaḥ*) и хеттском клинописном (*antuhṣas*), на основании значительного разнообразия чисел и падежей в первом (три числа, восемь различных падежей в единственном числе, три различных падежа в двойственном числе, шесть различных падежей во множественном числе) и скудости во втором (два числа, четыре-пять различных падежей в единственном числе, два-три различных падежа во множественном числе) одинаково можно сделать допущение о большей древности как древнеиндийского склонения, так и хеттского, так как не всегда то, что представляется простым, непременно бывает первичным. То же самое можно сказать, например, о системах спряжения в различных группах индоевропейских языков. Можно ли утверждать, что система спряжения в аттическом диалекте классической эпохи была более архаичной, чем в латинском языке той же эпохи? Даже на этот вопрос в современном нам языкознании даются прямо противоположные ответы¹.

При определении взаимоотношений хеттского клинописного языка (или вообще анатолийской группы языков) и прочих индоевропейских языков главная трудность заключается именно в относительной хронологии. Легче всего располагать факты в порядке относительной хронологии, если мы имеем дело с фонетическими изменениями в пределах известных морфем. При сравнении хет. клин. *raḫhur* «огонь» с греч. πῦρ «огонь» мы не сомневаемся, что более архаической можно признать хеттскую клинописную форму этого слова. Точно так же при сравнении лит. *gỹsla* и русск. *жила* мы признаем более архаической первую форму данного слова.

¹ Ср. по вопросу о новообразованиях в греческом и в санскрите статью И. М. Троицкого о «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании» (сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», ч. I, Л., 1952).

Применение сравнительно-исторического метода в лексикологии

Настало время выяснить, можно ли с таким же успехом, как в области фонетики, применять сравнительно-исторический метод в области лексикологии?

Гениальный русский ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов свою догадку о родстве индоевропейских языков основывал на лексических сопоставлениях известных ему языков¹. Лексическими сопоставлениями и установлением на их основе фонетических соответствий приходится ограничиваться при изучении языков так называемого «корневого» или безаффиксного типа. В истории изучения индоевропейских языков лексика использовалась для восстановления культуры племени или племен, говоривших на предполагаемом общиндоевропейском языке, и для выяснения их территориального распространения. До сих пор сравнительно-историческое изучение лексики различных языковых семейств недостаточно служило установлению законов развития (в данном случае — развития понятий, выраженных средствами различных языков).

Из определения слова как исторически сложившегося диалектического единства звуковой формы и смыслового содержания надо сделать вывод о том, что нелепо ставить вопрос о первенстве фонетики над семантикой или семантики над фонетикой. Однако нет сомнения в том, что исследователю в кропотливой работе по восстановлению фактов всегда легче опираться на фонетические соответствия между родственными языками, чем на возможные связи понятий.

Сравнительно-исторический метод следует применять не только в области фонетики, морфологии и синтаксиса, но и в области лексикологии. К лексикологии мы относим как наиболее важную часть семантику (семасиологию). Изучение отдельных слов на основе сравнительно-исторического метода делает лексикологию равноправной (не сразу, конечно!) с фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Сравнительно-историческое изучение смысловой стороны слов еще не производилось в достаточно широких масштабах. Здесь уже давно необходим синтез сделанного в отношении отдельных языков, групп и семейств языков. Наши советские языковеды должны покончить не только с «палеонтологической» (в отличие от необходимой нам исторической) семантикой, которую пытался изобрести П. Я. Марр, но и с проявлениями агностицизма в области семантики (мол, нельзя установить законов развития слов, соответственно понятий²).

Мы не считаем, что эмпирическая стадия, т. е. время накопления фактического материала (еще без обобщений), здесь уже пройдена. Достаточно заглянуть в какой-нибудь очерк предполагаемых основ семантики, чтобы убедиться, каким скудным материалом оперируют авторы подобных очерков.

В этой области мы добьемся успехов, если согласимся относительно следующего: и тут можно установить, несмотря на значительные трудности, связанные с исключительным разнообразием материала, свои закономерности на основе материалистической диалектики и сравнительно-исторического метода. Здесь надо изучать связи понятий (ассоциацию

¹ См. П. С. Кузнецов, О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания, «Ученые записки [МГУ]», вып. 150 — Русский язык, 1952.

² Само собой разумеется, что понятий в каждом языке несравненно больше, чем слов, потому что понятия выражаются не только словами (грамматические понятия — также формами слов), но и сочетаниями слов.

идей) на разных ступенях развития общества и различные способы выражения понятий.

Нам, живущим в социалистическом обществе, уже не представляется естественной связь понятий «работать, трудиться» и «страдать, мучиться, горевать, бедствовать». Однако такая связь была вполне естественной для антагонистического классового общества, и мы, как известно, находим ее во многих языках. Достаточно упомянуть др.-греч. *πενεσθαι* «работать, трудиться», *πενὴς* «бедняк», *πενήρως* «бедный», *πῶρος* «труд, работа; нужда; беда; несчастье; страдание, горе; боль; болезнь», *πονεῖν* «работать, трудиться; страдать, мучиться; болеть», лат. *labor* «труд, работа; нужда, бедствие, страдание» и *laborare* «работать, трудиться; бедствовать; страдать; болеть», др.-русск. *трьдѣ, трьдѣ* «работа; старание; трудность; забота, беспокойство; страдание; скорбь, горе; боль, болезнь, недуг», *трудосище* «болезнь», *трудоваый* «больной», *трудоваица* «больница», *трудитися* «работать; стараться; заботиться; страдать; подвергаться опасности», *трудный* «тяжелый; затруднительный; опасный; утомленный; печальный», *труждаи* и *тружати* «удручать», *труждаица* и *тружатица* «работать; заботиться; изнуряться; мучиться; страдать», латыш. *strādai* «работать; заниматься», *strādība* «трудолюбие», *strādīgs* «трудолюбивый», *strādnieks* «рабочий, работник» и русские *страдаю, страда, страдание*, ст.-слав. *мѣка* «мѣка», *мѣчити* «мучить», *мѣченик* «мучение» и рум. *muncă* «работа, труд, дело», *muncesc* «работаю, тружусь; пытаю, мучаю», *muncitor* «рабочий, работник», венг. *munka* «работа», *munkás* «рабочий, работник».

Показательными в том же смысле являются русск. *раб(ѣ)* «невольник» и *работа, работати* «работать», укр. *раб* и *робота*, польск. *robota*, болг. *раб* и *робота*, серб. *роб*, венг. *rab, rabszolga* «раб, пленник» (ср. *szolga* «слуга», *szolgálni* «служить»), рум. *rob* «раб», алб. *rob* «раб», *rolëroj* «беру в плен, порабащаю», *rolëruar* «взятый в плен, пленный». Эти примеры указывают на первоначально бесправное положение «производителя материальных благ». Полную аналогию нашему *раб* — *работа, работаю* представляет греч. *δούλος* в древности «раб», затем «слуга» — *δουλεῖα* «рабство; труд раба» > *δουλεῖα*, «работа, дело», *δουλεῖω* «нахожусь в рабстве, тружусь как раб» > «работаю, тружусь»¹.

Изучение языковых фактов показывает нам, что связь между понятиями «птица» и «летать», «лететь» многократно встречается в различных языках. Как известно, в русск. *птица, птенец, птишка* и т. п. представлен тот же корень, что и в др.-греч. *πτεροεις, πτερυγί* «летать, лететь» и *πτηνόν* «птица»; ср. еще латыш. *putns* «птица», др.-ирл. *én* (< **petn*). То же находим в арм. [thr: thʲel] «летать, лететь» и [thr: thʲun] «птица», в груз. [vphrinav] «лечу, летаю», [phrepa] «летать, лететь» и [phrinveli] «птица», в фин. (суоми) *lentää, lennän* «летать, лечу» и *lintun, linnun* «птица», род. падеж «птицы».

Однако мы не находим такой, казалось бы возможной, связи между понятиями «рыба» и «плыть, плавать». Напротив, можно найти, хотя и не часто встречающуюся, связь между понятием «плыть, плавать» и названиями водоплавающих птиц.

Без знания древней «космогонии» трудно согласиться с возможностью существования связи между понятиями «камень» и «небо». Однако такая связь существовала еще в древнеиндийском языке: *āsmān* значило «каменная глыба, камень» и «небо»; ср. древнюю форму местного падежа

¹ Ср. Я. А. Ленцмап, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2.

aśman «на небе», *aśmanāu* «небо и земля» (дв. число), *aśmanmayah* «каменный», *aśnaḥ* «камень», авест. *asman-*, *asma-* также «камень» и «небо», ново-перс. [*aseman*, (*asman*)] «небо», лит. *akmuo*, род. падеж *akmens* «камень», латыш. *akmens* (то же), др.-греч. ἄκμων «наковальня», ст.-слав. *камы*, род. падеж *камене*, русск. *камень*.

О существовании такой связи говорит также известный библейский рассказ из «Книги бытия» (гл. I, стр. 7—8): «καὶ ἐκάλειεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανὸν»; ср. «vocavitque deus firmamentum, caelum». Эту же связь можно найти в «Калевале» (руна 10, ст. 279).

В древнеиндийском языке обнаруживается связь понятия «вода» (ср. др.-инд. *udan-*, *udam*, *udakam*, ср. лат. *unda*, греч. ὕδωρ, род. падеж ὕδατος, лит. *vanduo*, род. падеж *vandens*, латыш. *ūdens*, гот. *watō*, род. падеж *watins* и пр.) с понятием «течь, струиться» (ср. др.-инд. *unadmi*, *undmaḥ*, отглагольные прилагательные *unnaḥ*, *ullaḥ*).

Понятие «женщина» в индоевропейских языках (ср. санскр. *gnā* и *janiḥ*, *janī*, авест. *genā*, *γnā* и *jaini-*, ново-перс. [*zæn*], арм. [*kin*], мн. число [*kanaikh*], греч. γυνή, (мн. число γυναικες, беот. βανᾶ, др.-ирл. *ben*, род. падеж *mná*, гот. *qinô* и *qēns*, англо-сакс. *swēn*, ст.-слав. *жена* и пр.) было связано с понятием «рождать, родить» (ср. санскр. непереход. *jāyê*, *jajāna*, *jajîê* и переход. *janayāmi*, греч. γίγνεται и γέννῃν, лат. *gignere*, *genuisse*, *nasci*, *natum esse*, также лит. *gėmù*, *gimti*, *gimdýti* и *žmonā*).

Связь понятий «рука» (кисть руки) и «хватать, брать», «собирать» прослеживается на таких примерах: гот. *handus*, англо-сакс. *hand*, *hond*, др.-верх.-нем. *hant* и пр. наряду с лат. *prehendō*, *prehendī*, *prehensum* и *prehensō*, греч. χανδύω, ἔχουον, κέχουδα, χείρομαι, ст.-слав. *рѣка*, русск. *рука*, латыш. *roka*, лит. *rankà* наряду с лит. *renkù*, *rinkti* «собираю, собирать», ср. *susirinkti* «собираться», *susirinkimas* «собрание» и пр.

Сравнение числительных первого десятка в индоевропейских языках подтверждает их родство, их происхождение, позволяет установить определенные фонетические и отчасти морфологические соответствия, а также расположить формы числительных отдельных языков в некотором относительном хронологическом порядке. На этом основании возможны некоторые восстановления. Однако «внутренняя форма» или «этимологическая структура» всех этих числительных остается нераскрытой.

Сравнение санскр. *panca(n)*, др.-перс. *panca*, новоперс. [*rændʒ*], арм. [*hing*], греч. πέντε, эол. πέμπε, ст.-слав. *пять*, лит. *penkì*, латыш. *pieci*, гот. *fimf*, лат. *quinque*, ирл. *coic* и др. дает возможность на основании соответствий восстановить форму **'penk'we*.

Напротив, в австронезийских языках числительное «пять»: малайск. *lima*, сумба *lima*, фиджи *lima*, самоа *lima*, гавай *lima*, маори *rima*, таити *rima* («рука» и «пять») — своей связью со словом «рука (кисть руки)» обнаруживает свою этимологическую структуру. Такое развитие понятий в области числительных подтверждается на примерах из многих других языков¹.

Наряду с этим числительное «один» представлено в различных языках различными синонимами (например, слав. *ѣдинъ*, лит. *vienas*, гот. *ains*, лат. *unus*, санскр. *ēkaḥ* и др.), что служит свидетельством в пользу существования в древнейшую эпоху нескольких синонимов для этого названия.

Таким образом, мы можем утверждать, что указанная этимологическая структура числительного «пять» в океанских языках является наи-

¹ См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I — Статьи по антропологии и этнографии, М.—Л., 1951, стр. 176.

более архаической. Это, конечно, еще не дает нам права настаивать на том, что дело не могло обстоять иначе с индоевропейским **penk'we*. При отсутствии связей за пределами числительных эта индоевропейская форма остается этимологически непроницаемой.

Задачи, выдвигаемые в связи со сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков

Само собой разумеется, что здесь придется ограничиться только упоминанием некоторых задач, таких, как, например, пересмотр основ сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков в связи с открытием новой анатолийской группы этих языков, выяснение состоятельности так называемой ларингальной гипотезы, определение фонетического строения морфем (в частности, корней), изучение развития основ (в связи с вопросом о продуктивности древних суффиксов), выяснение происхождения флексии, а также грамматического рода, изучение развития словесного ударения, применение сравнительно-исторического метода в области синтаксиса, выделение наиболее существенных составных частей грамматического строя индоевропейских языков, определение пережитков древнейшего состояния среди этих составных частей.

*

1. Открытие в 1915 г. Б. Грозным новой группы индоевропейских языков (анатолийской) могло бы произвести переворот в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков¹. Однако выдвинутая Э. Х. Стертевантом «индо-хеттская» теория, согласно которой индоевропейский язык-основа и анатолийская группа языков были двумя ветвями еще более древнего индо-хеттского языка-основы, оказалась построенной на очень непрочном фундаменте².

В связи с этим данные неситского или клинописного хеттского языка, несмотря на все несоответствия графики фонетике, могли быть использованы лишь для подтверждения новыми фактами уже раньше высказанных гипотез (например, о наличии на одной из доисторических ступеней развития индоевропейского языка-основы фарингальных или ларингальных звуков, впоследствии исчезнувших, но оставивших рефлексy в виде различных качеств *a*, *e*, *o* основного гласного *e*, удлинения первоначально коротких гласных, так называемых протетических, и тематического гласного). Выводы Э. Х. Стертеванта относительно архаического характера грамматического строя клинописного хеттского языка³ не пользуются общим признанием в зарубежном языкознании.

Тем нашим ученым, которые займются подведением итогов в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, надо будет дать обстоятельный анализ этих выводов. Самым значительным достижением в деле сравнительно-исторического изучения неситского

¹ См. F. r. H r o z n ý, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1916—1917. О хеттском языке см.: И. Ф р и д р и х, Краткая грамматика хеттского языка, перевод с немецкого, вступ. статья А. Десницкой, М., 1952; А. В. Д е с н и ц к а я, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, ВЯ, 1952, № 4.

² См. E. H. S t u r t e v a n t, A comparative grammar of the hittite language, Philadelphia, 1933 (2-d ed.—1951).

³ См.: E. H. S t u r t e v a n t, Archaism in hittite, «Language», vol. IX, № 1, 1933; e г o ж e, The pronoun *so, *sā, *tod and the indo-hittite hypothesis, «Language», vol. XV, № 1, 1939.

языка является почти полное признание его одним из индоевропейских языков¹.

Весьма значительные трудности, связанные с качеством материала (неполнота, несовершенство графической передачи языка, недостаточная изученность), не дают возможности убедительно аргументировать выдвинутые на основании этого материала гипотезы, касающиеся становления и развития морфологии индоевропейского языка-основы².

2. В виду широкого распространения в зарубежном сравнительно-историческом языкознании так называемой ларингальной гипотезы (т. е. предположения о существовании в языке, который предшествовал общиндоевропейскому, ларингальных или фарингальных звуков) критика этой гипотезы стала очередной задачей советского сравнительно-исторического языкознания.

Соглашаясь с (оценкой, в общем скорее положительной), которую дает ларингальной гипотезе А. В. Десницкая³, мы не можем, однако, присоединиться к той ее формулировке, где она указывает на «факт установления в хеттском ларингальных звуков». Ведь в соответствующих работах Э. Х. Стертеванта⁴ речь, конечно, идет об отражении в хеттской клинописи каких-то рефлексов предполагаемых ларингальных или фарингальных звуков. Следовательно, были ли в самом хеттском клинописном языке или в других языках этой же группы именно ларингальные звуки, мы не знаем и не можем знать.

Если бы со всей необходимой ясностью удалось доказать состоятельность ларингальной гипотезы, это означало бы, что в сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков со времени К. Бругмана и Г. Гирта произошли крупные изменения.

У нас нет сомнения в том, что нельзя пройти мимо ларингальной гипотезы после того, как Е. Курилович еще в 1927 г. указал на то, что хеттское клинописное *Н* (*х*) в ряде слов соответствует предположенному Ф. де Соссюром «ларингальному (*А*)». Чтобы опровергнуть утверждение Е. Куриловича, надо было доказать, что в хеттском клинописном языке этот *Н*(*х*) является новшеством сравнительно со всеми прочими группами индоевропейских языков⁵. Такого опровержения, насколько нам известно, не было, но были, конечно, высказаны сомнения относительно частостей.

3. Замечательная перспектива дальнейших исследований открывается в связи с возможностью сравнительно-исторического изучения языка (а может быть, языков?) минойских или крито-микенских надписей, а также тирренского или этрусского языков, лидийского и ликийского языков. Надо только проверить, действительно ли уже есть такая возможность и является ли основательным утверждение о принадлежности этих языков все к той же индоевропейской семье⁶.

¹ См. А. А. Фрейман, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 3, 1947.

² Ср., например, A. Vaillant, L'origine des présents thématiques en -e/o-, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XXXVIII, fasc. 1 (N 112), 1937.

³ См.: А. Десницкая, О хеттском языке [вступ. статья в указ. книге И. Фридриха], стр. 35; А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, стр. 57.

⁴ См., например, E. H. Sturtevant, The indo-hittite laryngeals, Baltimore, 1942.

⁵ Ср. J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes, I, Kraków, 1935, стр. 27—76 (II. Sur les éléments consonantiques disparus en indoeuropéen).

⁶ См.: В. Георгиев, Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей, София, 1954; е го же, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4; С. Я. Лурье, [реп. на кн.:] В. Георгиев, Проблемы минойского языка, София, 1953,—ВДИ, 1954, № 3.

4. Ясно, что в настоящее время не может уже быть приемлемым такой взгляд на корни индоевропейских языков, согласно которому все они будто бы когда-то являлись самостоятельными словами. То, что теперь называется корнями разных индоевропейских языков, возникло не одновременно на какой-то ступени развития языков и не из одного и того же источника.

Эти корни, прежде чем стать составными частями (корневыми морфемами) простых и сложных слов, подвергались неоднократным фонетическим изменениям и преобразованиям. В большинстве случаев они достигли размеров одного слога, построенного по действующим в каждом языке законам взаиморасположения звуков. Были, конечно, и такие случаи, когда всем этим преобразованиям подверглись существовавшие на древних ступенях развития отдельные слова или формы слов¹.

5. В связи с вопросом о происхождении и развитии флексии находится вопрос о происхождении различий между основами по их характеру. Выше уже шла речь о противопоставлении атематических и тематических форм друг другу (ср., например, санскр. *pât*, род. падеж *padah* и *padam*, род. падеж *padasya*, *pâdah*, *pâdasya* «нога», *pûh*, род. падеж *purah* и *puram*, род. падеж *purasya*, *nâh*, род. падеж *nih* и *narah*, род. падеж *narasya*; санскр. *admi* и греч. *ἔδω*, *ἔδομαι*, санскр. *hanmi* и греч. *ἔειπον*, санскр. *bibharmi* и *bharâmi*, греч. *φέρω*).

Что же такое тематические формы? Были ли они формами, которые сохранили какой-то первичный суффикс, со временем утративший свое смысловое значение, или же в них содержатся древние корни с конечным тематическим гласным? Уже давно была установлена связь между атематическим и тематическим характером глаголов, с одной стороны, и противопоставлением изъявительного и сослагательного наклонений в древних индоевропейских языках, с другой.

Атематические глаголы, очевидно, становились тематическими в сослагательном наклонении, тематические же глаголы, так сказать, вдвойне тематическими (их признаком была долгота тематического гласного). Дальнейшее исследование соотношения атематического и тематического классов (в тех языках, где еще существовало подобное противопоставление) помогло бы выяснить первоначальную природу тематического гласного в глагольных основах.

6. Когда теория «агглютинации» была противопоставлена теории «адаптации», казалось, что признание одной теории равносильно отрицанию другой. Мы не можем еще утверждать, что вопрос о происхождении и развитии именной и глагольной флексии в индоевропейских языках является уже решенным: до этого пока далеко. Нам ясно, что для решения его нужно открытие новых фактов из неиндоевропейских языков, а также широкое использование аналогий из истории неиндоевропейских языков, грамматический строй которых обнаруживает явления, подобные тем, которые имеют место в именной и глагольной флексиях индоевропейских языков.

Вопрос о происхождении и развитии грамматического рода в индоевропейских языках был снова поставлен в связи с открытием хеттского клинописного (или неситского) языка, в котором не было обнаружено морфологических признаков различия трех грамматических родов.

Этот вопрос ставили также в связи с классификационными префиксами судано-гвинейских языков и языков банту в Африке и с так называемыми

¹ Ср. J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, I, Kraków, 1935, стр. 77—130 (III. Les changements vocalique et leur chronologie).

мыми «счетными» словами в языках Азии (тюркских, новоиранских, тибето-китайских) и Океании (индонезийских, меланезийских, микронезийских).

Однако на основании таких сопоставлений еще не удалось решить данного вопроса. Исследование материала самих индоевропейских языков исторической эпохи пока что позволило установить, что противопоставлению трех грамматических родов могло предшествовать противопоставление двух родов (ср. одинаковые формы слов мужского и женского рода в древнегреческом и латинском языках, например *ὁ πατήρ*, *ἡ μήτηρ*, *pater m.*, *mater f.*, *ἡ τύρρις*, *τύρρις*, *turris f.*, *ὁ ἔχλις*, *anguis m.* и *f.* и т. д.).

В некоторых индоевропейских языках различие грамматических родов свелось к противопоставлению только двух родов (мужского и женского в романских языках, рода живых существ и рода вещей в скандинавской ветви германских языков), в других оно вовсе исчезло¹.

7. Для восстановления древнего словесного музыкального ударения большую ценность представляет материал славянских языков, в частности восточнославянских и сербо-хорватского, литовского языка, древнегреческого и древнеиндийского (акцентуированные ведические тексты).

Именно на этом материале основана сравнительно-историческая акцентология индоевропейских языков. Успехи ее измеряются теми законами, которые удалось установить в этой области. До последнего времени она остается доступной только для узкого круга специалистов, среди которых у нас есть такие ученые, как член.-корр. АН СССР проф. Л. А. Булаховский.

Вообще в области фонетики индоевропейских языков слишком много неразрешенных вопросов, связанных с восстановлением древнейших ступеней развития, чтобы в нескольких словах можно было дать о них представление. Упомянем еще хотя бы о следующих. До сих пор остаются не установленными причины возникновения так называемого качественного чередования гласных в индоевропейских языках (*e* — *o*, ср. русск. *бреду* — *брод*, *везу* — *воз*, *гребу* — *гроб*, *плету* — *плот*, *теку* — *ток*). Далеко недостаточно исследованной остается группа так называемых сонантов, которые имели в фонетике индоевропейских языков большое значение. С характером этих звуков связан также вопрос о дифтонгах в индоевропейских языках.

8. До сих пор остается не исследованным вопрос о становлении и развитии парадигм склонения в индоевропейских языках, который в истории науки неоднократно был предметом размышлений и споров².

Нам представляется возможным связать этот вопрос с вопросом о становлении и развитии одного из типов наречий (суффиксация именных корней и основ). Если в историческую эпоху падежные формы имен превращались в наречия, то для эпохи становления парадигм склонения можно предположить использование наречий (суффиксированных имен и местоимений) в качестве падежных форм. Сравнительно-историческое изучение наречий и падежных форм обнаруживает подвижность границы между теми и другими.

Для восстановления основных линий развития в области синтаксиса падежей наибольшее значение имеют такие языки, как санскрит, сохранивший или выработавший наибольшее число падежей (8), литовский (7),

¹ Ср.: А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, стр. 57; J. Lohmann, *Genus und Sexus*, Göttingen, 1932.

² Ср., например, И. В. Нетушил, Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка, т. II — О падежах, Харьков, 1885.

славянские языки (от 7 до 6), латинский (6), отчасти древнегреческий (5, при совпадении в одной форме *dativus — instrumentalis — locativus* и в другой форме *genetivus — ablativus*).

Если сравнительно-историческое исследование флексии имен дает возможность восстановить древнейшую парадигму склонения имен в единственном, а отчасти и во множественном числе, то этого нельзя сказать о личных (в известной мере и о прочих) местоимениях. Здесь следует установить причину различия именной и местоименной флексий и, в частности, исследовать становление и основные ступени развития флексии местоимений (в первую очередь, личных).

Однако при восстановлении фонетической стороны развития языков мы всегда имеем значительные преимущества сравнительно с попытками восстановления синтаксической (сочетание форм) и семантической (выражение понятий) сторон.

Среди так называемых недостатков сравнительно-исторического метода указывают на то, что до последнего времени не удалось открыть достаточно определенных закономерностей развития и установить основные ступени развития синтаксических фактов. В этой области новшества оказываются столь значительными, что за ними часто не видно следов древнейшего состояния.

Если взять, например, соотношение сочинения (паратаксиса) и подчинения (гипотаксиса) в истории отдельных языков, то кажется бесспорным факт первичности сочинения и вторичности подчинения. Однако и этот факт требует проверки в зависимости от разновидности общенародного языка. Так, например, в литературной и письменной разновидности языка последовательность изменений от сочинения к подчинению является вполне естественной, но в разговорной разновидности подобное же естественное развитие может многократно нарушаться под влиянием первой названной разновидности.

Если сравнить греческий язык на разных ступенях его развития, то можно установить такую последовательность: преобладание сочинения над подчинением в языке гомеровского эпоса, затем — широкое распространение подчинения в классическую эпоху, сохранение его в письменной литературной разновидности в эллинистическую и римскую эпохи, но в то же время как бы «восстановление» сочинения в неофициальных бытовых документах, весьма существенное расхождение между литературной и обиходной разновидностями в византийскую эпоху и, наконец, снова широкое распространение сочинения в той разновидности литературного языка, которая развивалась на основе общенародного, разговорного языка (*ἡ δημοτικὴ, ἡ κοινὴ καθολικὴ γλῶττα*), при гораздо более значительном сохранении подчинения в архаизирующей разновидности (*ἡ καθαρὴ γλῶττα*).

9. Несомненно, что принятое в нашей науке после 1950 г. положение об устойчивости грамматического строя языка не только сравнительно с общим словарным составом, но и сравнительно с основным словарным фондом не следует понимать догматически. Речь идет, конечно, об относительной, а не об абсолютной устойчивости грамматического строя.

Так, например, современный английский язык сохраняет в своем грамматическом строе некоторые характерные черты грамматического строя англо-саксонского языка, однако в нем очень мало черт, характерных для таких языков, как санскрит, литовский, старославянский (чередование гласных в некоторых корнях, супплетивизм и сохранение категории грамматического рода в личных местоимениях, спряжение *to be* и т. п.).

Хотя первичные пракрыты и литературная форма одного из них — санскрит — были родоначальниками современных нам индоевропейских языков Индии, грамматический строй этих последних гораздо более существенно изменился, чем основной словарный фонд. Не только прежнее склонение имен вытеснено сочетанием основ с послелогами, но и спряжение перестроено на новых основах¹ (ср. табл. 7).

Следовательно, при неограниченности языковых изменений любой язык не теряет своих родственных связей даже при существенном изменении своей основы: грамматического строя и основного словарного фонда.

Сравнительно-исторический метод тогда может успешно применяться для исследования языкового материала, когда в этом материале есть генетически связанные, но фонетически или семантически различные слова и формы слов, относящиеся к различным ступеням развития одного и того же языка или к различным языкам и диалектам. Восстановление древних форм и древних парадигм возможно лишь при наличии определенных нарушений систем, обычных для данной ступени развития сопоставляемых языков. До сих пор остается в силе правило, установленное А. Мейе: «Язык тем менее допускает сравнительное изучение, чем регулярнее его морфология»².

Несомненно то, что сопоставительное изучение неродственных языков (например, русского и арабского) ограничивается одной ступенью развития сопоставляемых языков. Напротив, сравнительно-историческое изучение родственных языков (например, русского и польского) не может ограничиваться одной ступенью развития сравниваемых языков, потому что при изучении их на разных ступенях развития (в исторической перспективе) по мере отдаления от современного нам состояния сходство грамматического строя и словарного состава родственных языков увеличивается.

Создание учебных пособий по сравнительно-историческому языкознанию

До сих пор лишь опыт сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков использовался при изучении иных семейств и групп языков, в то время как сравнительно-историческое изучение неиндоевропейских языков очень мало дало для углубления исследований индоевропейской семьи языков.

Поэтому наряду с необходимостью разработки основ сравнительно-исторического языкознания в результате обобщения опыта сравнительно-исторического изучения языков различных групп и семейств перед нами стоит задача создания сравнительно-исторических грамматик уже установленных языковых семейств.

Надо приветствовать появление в 1953 г. «Сравнительной грамматики монгольских языков» (т. I) проф. Г. Д. Санжеева. В первую очередь хорошо было бы издать сравнительно-исторические грамматики (на русском языке) языковых семейств, представленных в Советском Союзе: индоевропейского с группами славянской, балтийской, иранской, армянской, романской, индийской (цыганский язык), тюркского, финно-угорского, самодийского, тунгусо-маньчжурского, эскимосского. Разнообразие грамматического строя языков, представленных на территории Советского Союза, является залогом успеха в деле обобщения опыта сравнительно-исторических исследований.

¹ Ср. А. П. Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, «Ученые записки [ИГУ]», № 98, Серия востоковед. наук, вып. 1, Л., 1949.

² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 444.

Относительные достижения в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков объясняются не только тем, что этими языками много занимались, но и тем, что в пределах этого семейства оказались как близкородственные языки (объединенные в группы), так и отдаленно родственные, а также тем, что сохранились письменные памятники древних индоевропейских языков (начиная от II тысячелетия до н. э.).

Одной из очередных задач в области сравнительно-исторического языкознания является создание учебного пособия по основам этой науки для университетов и самообразования. Как показывает опыт создания новых курсов основ языкознания (имеется в виду «Введение в языкознание»), необходимо выделить сравнительно-историческое языкознание из состава общего языкознания, в пределах которого не удастся в должной мере осветить основные проблемы этой чрезвычайно важной отрасли языкознания.

*

В течение известного периода, предшествовавшего лингвистической дискуссии 1950 г., исследования сравнительно-исторического характера если и велись, то в весьма ограниченном плане (исследования отдельных групп родственных языков, исследования в области истории отдельных языков, но чаще всего без восстановления языковых фактов и явлений). Доистория языков была заменена фантастической палеонтологией, сомнительными семантическими законами и совершенно туманными стадиями развития языков. Понятие родства языков по происхождению и предположение о существовании «праязыка» или языка-предка были отвергнуты на основе вульгарно-социологического учения о единстве «глоттогонического процесса». Сходства, идущие в глубь веков, наблюдаемые в грамматическом строе и основном словарном фонде языков, объяснялись непосредственно социально-экономическими условиями развития языков и результатами схождений или скрещений языков. Ошибки исследователей без разбора приписывались сравнительно-историческому методу, будто бы буржуазному в своей основе. Имена знаменитых исследователей и добросовестных тружеников, представителей отечественной науки, предавались забвению. В то же время у нас беспрепятственно развивалось описательное языкознание. Шла работа по составлению нормативных грамматик и словарей (кроме этимологических). Производилось накопление материала в области диалектологии.

Настало время устранить образовавшуюся у нас диспропорцию между описательным и сравнительно-историческим языкознанием. Используя описания языков народов и народностей Советского Союза, пора теперь приступить к их изучению на основе сравнительно-исторического метода. Необходимо обобщить опыт сравнительно-исторического изучения языков различных языковых семейств. Надо проверить основные достижения в области изучения индоевропейских языков. В области сравнительно-исторической грамматики нужно отделить существенное от несущественного. Следует обратить внимание на многосторонние связи истории языка с историей общества. Все это даст нам возможность приступить к решению основной задачи: установить закономерности развития языков.